СОДЕРЖАНИЕ

Валерий Вьюгин. От составителя 7

Общим взглядом

Валерий Вьюгин. О «культурном ресайклинге» (вместо справки) 20

Сюзанна Франк. «Ресайклинг» или «ресурс»? Концепция культурного наследия советских 1930-х vs ЮНЕСКО 31

Мария Энгстрем. Ресайклинг позднесоветской контркультуры и новая эстетика «второго мира» . . 58

Литература

Надежда Григорьева. Спрессованная культура: Литературный ресайклинг в позднем авангарде и в соцреализме 90

Любовь Бугаева. «Новый человек» сто лет спустя: Горький и Прилепин 114

Мария Андрианова. Ресайклинг советского производственного романа в современной литературе 139

Валерий Вьюгин. Ностальгия по травме («Премиальная» литература 2019 года и советское прошлое) 172

Светлана Маслинская. Переписывая заново: О культе пионеров-героев в первом двадцатилетии XXI века 214

Кинематограф. Телевидение. Театр

Наталья Семенова. «Мировой аттракцион в полном блеске прожекторов и костюмов»: мотив полета в фильме и сценических версиях «Цирка» (1935–2017) 244

Катриона Келли. Человек на все сезоны: апсайклинг одного шпиона-героя при советской власти и после . . 283

Любовь Бугаева. Советское прошлое
на постсоветском экране 320

Марк Липовецкий и Татьяна Михайлова.
Больше чем ностальгия: Поздний социализм
в телесериалах 2010-х годов 361

Дарья Журкова. Ретросериалы об артистах
советской эстрады: Между конвенциями,
прошлым и реальностью 396

Валерий Вьюгин. Память Гоблина
(О «Шматрице» Д. Ю. Пучкова) 428

Визуальное искусство

Габриэлла А. Феррари. Переработка и перекладка
действительности: Утилизация быта и авангарда
в художественной лаборатории Ирины Наховой . . . 470

Екатерина Андреева. Подходы к ресайклингу
советского в российском изобразительном искусстве
1980–2010-х годов 504

Игра и музыка

Дарья Журкова. Анахроничный саундтрек:
Ресайклинг советских песен в видеоигре Atomic Heart 576

Воспитание и опыт повседневного

Анна Козлова. Эффективный менеджмент
(против) советского наследия в эпоху возрождения
детского лагеря «Артек» 602

Юлия Секушина. От мусора к «экотрендам»:
Культурный ресайклинг советского прошлого
в дискурсе осознанного потребления 634

Сведения об авторах 665

Валерий Вьюгин

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Мы переживаем эпоху тотального ресайклинга — ресайклинга советского. К этому факту можно относиться по-разному, но его нельзя отменить. И уже дольше трех десятилетий, собственно с того момента, когда завершилась история СССР, процессы переработки социалистического «наследия» постоянно в центре общего внимания. Мы думаем о ностальгии по *той* «цивилизации», о неизжитых травмах революции и сталинизма, о горе, о необходимости наконец признать ложь и ошибки — или, напротив, медитируем, как ни печально, о реанимации величественного мифа или реванше. Призраки советского обитают в массмедиа, без них просто немыслимо современное российское искусство, они давно и крепко приручены политикой и культурой повседневности. В этом нет ничего удивительного. Прошлое действительно не изжито. Удивительно лишь то, что термин «ресайклинг», или, точнее, «культурный ресайклинг», имеющий за плечами более шестидесяти лет истории, вполне популярный как на Американском континенте, так и в Европе, до недавнего времени был почти неизвестен в России.

С исследованиями, использующими терминологию или метафорику ресайклинга применительно к советскому на пространстве бывшего СССР, еще лет пять-семь назад столкнуться было трудно. Еще меньше встречалось таких исследований, авторы которых выбирали это слово в качестве заглавного и, следовательно, в концептуальном отношении особенно значимого. Если останавливаться на существенных первопроходческих работах — в 2005 году Соня Люрманн опубликовала статью «Ресайклинг культурной конструкции:

десекуляризация в постсоветской Марий Эл»[1]. Импульсом для нее послужили наблюдения над удивительно легкой, с точки зрения автора, переменой, которая произошла в республике после распада СССР: почти моментальное возрождение религиозной жизни и, соответственно, перепрофилирование светского пространства и уклада — от зданий до «советских» профессиональных навыков — под новые нужды. Не вдаваясь в историю понятия, Люрманн тем не менее воспроизвела одну из его устойчивых трактовок. «Прежде чем подвергнуть нечто ресайклингу, — писала Люрманн, — это нечто должно быть объявлено мусором, и только затем его можно переделать в нечто иное, рассматриваемое как полезное» («In order for something to be recycled, it must first be declared to be trash, and then reworked into something else that is regarded as useful»)[2]. Выражение «культурный ресайклинг» обладает крайне широкой смысловой валентностью, и эта интерпретация, подразумевающая итерацию «потребность — бесполезность — потребность», далеко не единственная. Но, вне всяких сомнений, оказавшись одной из первых, она востребована до сих пор. Более того, как мы видим, она вполне применима к ситуации в постсоветской России.

Не сразу, но статья Люрманн вызвала полемический отклик. Десять лет спустя Жанна Кормина и Сергей Штырков опубликовали работу[3], в которой, оценив продуктивность предложенного подхода, все-таки выразили сомнения в некоторых немаловажных нюансах. Согласно наблюдениям Корминой и Штыркова, религия, несмотря на многие усилия, так

[1] *Luehrmann S.* Recycling Cultural Construction: Desecularisation in Post-Soviet Mari El // Religion, State & Society. 2005. Vol. 33. № 1. P. 35–56.

[2] Ibid. P. 37.

[3] *Кормина Ж., Штырков С.* «Это наше исконно русское, и никуда нам от этого не деться»: предыстория постсоветской десекуляризации // Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте / Под ред. Ж. В. Корминой, А. А. Панченко, С. А. Штыркова. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 7–45.

и не приобрела в СССР статус «мусора» — «в действительности религиозный энтузиазм начала 1990-х годов был подготовлен длительным процессом легализации религии в советское время через ее локализацию в сфере „культуры“»[1]. Оставив в стороне вопрос о том, кто в этом споре прав, заметим только, что релевантность самой формулы ресайклинга (актуальность — забвение — возвращение) не вызвала у оппонентов Люрманн сомнений.

В промежутке между двумя публикациями появилась еще одна небольшая работа, открыто отсылающая к ресайклингу. В 2013 году была напечатана статья Зинаиды Васильевой, название которой говорит само за себя: «Где находятся останки коммунизма? Ресайклинг памяти о советском в выставках и художественных произведениях»[2]. Несколько позже Васильева защитила диссертацию, посвященную практикам DIY («сделай сам») в советской и постсоветской России, рассмотрев их в символическом, институциональном и материальном измерениях[3].

В 2015 году Евгений Добренко опубликовал статью «Ресайклинг советского»[4], где, в частности, обратил внимание на то, что «советский канон», соцреализм, стал предметом переработки еще в самом СССР, в первую очередь благодаря неподцензурному искусству — постмодернизму, соц-арту. В настоящее же время, согласно Добренко, значимость «советского» для людей искусства редуцируется: «...четвертьвековая история переработки советского прошлого становится

[1] Там же. С. 9.

[2] *Vasilyeva Z.* Où sont les restes du communisme? Recyclage de la mémoire soviétique dans les expositions et les œuvres d'art // A Contrario. 2013. № 19. P. 53–67.

[3] *Vasilyeva Z.* From Skills to Selves: Recycling «Soviet DIY» in Post-Soviet Russia. PhD Dissertation manuscript. Université de Neuchâtel, Neuchâtel, 2019.

[4] *Dobrenko E.* Recycling of the Soviet // Russian Literature: Since 1991 / Eds E. Dobrenko, M. Lipovetsky. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 20–44.

историей трансформации *постсоветской* в *новую русскую* литературу»[1], в контексте которой адресации к советскому обращаются в формальный прием.

Теперь ситуация с признанием термина изменилась. С одной стороны, можно наконец сказать, что прорыв произошел. С другой же — приходится все-таки признать очередное опоздание отечественной академической «моды»: сегодня выражение «культурный ресайклинг» звучит уже не так свежо. На смену ему приходят *суб-*, *даун-*, *гипер-, ап-* и прочие *-сайклинги*. Успокаивает только одно: сами неологизмы последнего времени реутилизируют прошлое, то есть в данном случае выражение «культурный ресайклинг», а из сознательного обращения к «классике» всегда есть шанс извлечь выгоду.

Насколько велик интерес к советскому в разных областях постсоветской культуры? Насколько релевантна сама метафора ресайклинга, вырванная из экологического и индустриального контекста, в отношении перемен, которые произошли в России в последние тридцать лет? Как она соотносится с понятиями травмы, памяти, ностальгии? Не является ли избыточной? Что мы можем сказать о конкретных формах и механизмах ресайклинга недавнего прошлого? Таков круг вопросов, изначально объединивший авторов предлагаемой книги.

Подавляющее большинство в конечном счете вошедших в нее исследований было завершено в 2021 году. Вместе с тем сейчас при непосредственной подготовке издания к публикации ни один из авторов не заявил о необходимости кардинального пересмотра своей концепции. В основном мы заботились, во-первых, о перепроверке и уточнении деталей, а во-вторых, о том, чтобы предложить ни в коем случае не обобщающее, но разноаспектное представление о культурном явлении, которому оно посвящено. Очевидно, что еще рано подводить итог отношениям с советским. Поэтому в книге

[1] *Dobrenko E.* Recycling of the Soviet. P. 21.

нет заключения. Смысл же собирать факты и искать подходящие к ним интерпретационные ключи остается всегда.

В 2021 году в журнале «Новое литературное обозрение» вышла подборка статей, представлявшая собой «препринт» тогда еще только планировавшегося издания[1]. Многие другие тексты в том или ином виде тоже печатались в академических журналах, так что и с этой точки зрения главная цель новой публикации сводится к суммированию накопленного индивидуального опыта или, говоря иначе, его коллективному ресайклингу.

Отталкиваясь от общих вопросов, авторы вместе с тем не стремились следовать какому-либо единому унифицированному подходу. Даже в понимании того, что такое «культурный ресайклинг», они не всегда полностью согласны. То же самое касается выбора масштабов исследования — один случай, некоторая тенденция, жанр и т. п. — и объема описания результатов. Нам представлялось, что важнее предложить и испытать потенциал разных методологических перспектив. Есть, правда, одно наблюдение, которое разделяется, пожалуй, всеми участниками проекта. В разговоре о реутилизации советского опыта сегодня зачастую не получается уйти от рассмотрения механизмов ресайклинга в СССР в более раннее время. Поиск причин, обуславливающих постсоветскую ситуацию, раз за разом заставляет вспоминать о том, что каждый существенный культурно-политический поворот неизбежно приводит к необходимости кардинально перерабатывать — заново фильтровать и реинтерпретировать — наследие предыдущих эпох. Разглядывая одно «кольцо ресайклинга», желательно иметь представление о «цепи ресайклинга» в целом. Поэтому наряду с фокусировкой на современном контексте в книге на равных правах описываются некоторые случаи реутилизации «советского в советском».

[1] Новое литературное обозрение. 2021. № 169 (3). С. 10–199.

Материал, который рассматривается в книге, трудно отнести к какой-нибудь одной четко очерченной рубрике — будь то по критерию жанра, времени (хотя оно в основном ограничено двумя десятилетиями второго тысячелетия), медиальной принадлежности или даже причастности к какой-либо единственной культурной практике. Бóльшая часть включенных в нее работ касается искусства, но есть обращения и к другим сферам культуры и повседневности. Их ни в коем случае нельзя считать случайными и периферийными. Несмотря на пристрастие большинства авторов к сфере эстетического, в конечном счете эта книга — о культуре в целом, и если речь идет об искусстве, то как о комплексе «культурных симптомов». Ясно, что исчерпать все проявления ресайклинга невозможно. Мы изначально ограничивались попыткой показать, как он работает, прибегая лишь к некоторым выразительным примерам.

Легко выделить два давно устоявшихся подхода к исследованию прошлого, в конкуренцию с которыми вольно или невольно вступает любая попытка говорить о культурном ресайклинге. Это — в самом общем понимании — теория ностальгии и теория травмы. Апелляция к термину «культурный ресайклинг», по крайней мере в собранных здесь работах, не стремится их заменить. Но выгода от того, чтобы использовать термин «ресайклинг» если не вместо, то помимо «травмы» и «ностальгии», кажется, все-таки есть. Как «ностальгия», так и «травма» представляют собой модальности, означают настроения, эмотивные характеристики, дедуцируемые оценки при интерпретации прошлого. Более того, будучи таковыми, они противостоят друг другу. Те, кто выявляет ностальгию как фактор некоей социокультурной ситуации, наделяют ее участников желанием вернуться в «золотой век» прошлого или по крайней мере колебаниями и рефлексией по данному поводу; говоря иначе — превращает прошлое в интенциональный предмет. Те, кто распознаёт

в прошлом травму, предлагая тот или иной путь избавления от страданий, в конечном счете следует футуристической модели разрыва с прошлым. Ресайклинг же сам по себе — категория внемодальная, и в этом смысле он оказывается несущей конструкцией для ностальгии и травмы. Он позволяет просто констатировать положение вещей — точнее, то, что вещи, не повторяясь, повторяются и vice versa, — и, таким образом, оставляет возможность параллельно использовать потенциал других интерпретационных рамок самого широкого спектра. В конце концов, он может быть, как показывают включенные в эту книгу работы, и ностальгическим, и травматическим.

В книге несколько разделов. **Первый**, более общего характера, содержит справочную главку о некоторых распространенных толкованиях термина «культурный ресайклинг», подготовленную *Валерием Вьюгиным*.

Далее *Сюзанна Франк* предпринимает сравнение разных определений культурного наследия и способов обращения с ним. В центре внимания Франк оказывается своего рода кросс-культурный треугольник: отношение к культурному наследию, характерное, во-первых, для СССР 1930-х годов, во-вторых — для созданного в 1945 году ЮНЕСКО и, в-третьих, для постсоветской России.

Мария Энгстрем предлагает анализ различных форм ресайклинга позднесоветского андеграунда и контркультуры 1990-х годов в современной массовой культуре. С одной стороны, Энгстрем сопоставляет две конкурирующие стратегии работы со «свежим прошлым»: метамодернистскую и ремодернистскую. С другой — предназначенный для российского потребителя «внутренний ресайклинг» и вписывающийся в глобальную эстетику «фейк/фальш-ностальгии» «внешний ресайклинг».

Второй раздел посвящен литературе. Он открывается экскурсом *Надежды Григорьевой* в советский период, освещающим

особенности «литературного ресайклинга» в позднем авангарде и в соцреализме. Согласно точке зрения автора, в 1920–1930-х годах была распространена литература, материалом которой становились элементы, отброшенные предшествующей художественной системой как неценные. Получая второе рождение в новом интертекстуальном окружении, эти элементы смешивались и образовывали «спрессованную культуру».

Любовь Бугаева еще раз возвращается к популярной среди советских литературоведов идее «нового человека», переосмысливая ее литературные перерождения путем сопоставления литературных стратегий М. Горького и З. Прилепина. Концепция «нового человека», которую М. Горький развивал еще в 1906 году в повести «Мать», по мнению Бугаевой, находит отклик в романе З. Прилепина «Санькя» (2006). «Новый человек» Прилепина, в отличие от строителя «нового мира» у Горького, — бунтарь и разрушитель, тянущийся к непосредственному чувственному опыту мира.

Темой исследования *Марии Андриановой* становятся советский производственный роман и его современные реинкарнации. Андрианова отмечает, что для этого жанра ресайклинг был свойственен изначально: со сменой эпох он реинтерпретировался и модифицировался и в СССР. Сегодня, таким образом, мы сталкиваемся не только с ресайклингом советского опыта, но и с очередной стадией процесса в рамках эволюции жанра. Переходы от угасания жанра к его возрождению — своего рода продолжение традиции.

Валерий Вьюгин размышляет о том, как советское прошлое проявляет себя в ряде отечественных романов, номинированных на ведущие российские премии в «предапокалиптическом» 2019 году. Вне зависимости от эстетических пристрастий и политических ориентаций авторы рассматриваемых романов, считает Вьюгин, пишут своего рода апологию советской истории, причем апологии временами удостаиваются и периоды массовых репрессий. Отношение, которое

выражает такого рода эстетический ресайклинг истории, можно назвать «ностальгией по травме».

Светлана Маслинская рассказывает о судьбе — прежде всего литературной — культа пионеров-героев. Культовые практики, утраченные в 1990-х годах, по мнению Маслинской, хоть и имеют тенденцию к возрождению, не восстановлены в прежнем масштабе. Официальный нарратив о пионерах-героях характеризует лиро-эпическая модальность, сближающая их с Ильей Муромцем, Иваном Сусаниным и другими мифологизированными персонажами русской культуры.

Третий раздел объединяет работы, фокусирующиеся на экране и сцене. *Наталья Семенова* прослеживает, как тема полета и тема цирка, два неотъемлемых символа советской культуры, воплощаются в российском кино и на сцене начиная с 1930-х годов и заканчивая второй половиной 2010-х. Автор показывает, как желание преодолеть законы гравитации, технизации и эмансипации в определенный момент дополнилось советским авиационным дискурсом и эмблематикой физкультуры и как сегодня мечту о полете сменяет тоска по недостижимому идеалу.

Катриона Келли пишет о реутилизации персональной и профессиональной истории советского резидента Конона Моло́дого (1922–1970), события жизни которого легли в основу фильма «Мертвый сезон» (1968). Фильм, согласно Келли, является формой «апсайклинга» как биографии Моло́дого, так и жанра шпионского триллера. Келли показывает, как образ Моло́дого подвергался «апсайклингу» в соответствии с меняющимися идеологическими ценностями разных эпох. Если в 1960–1980-х годах он был представлен прежде всего как советский патриот, то в 1990–2020-х его стали скорее рисовать преуспевающим бизнесменом.

Любовь Бугаева на этот раз анализирует процессы ресайклинга советского в современных российских фильмах и сериалах, действие которых происходит в советский период.

Бугаева акцентирует внимание на том, как зритель вовлекается институциональной практикой в игру make-believe, и подчеркивает, что ресайклинг прошлого далеко не всегда ностальгичен, что в ряде случаев — это конструирование будущего через прошлое.

Марк Липовецкий и Татьяна Михайлова тоже рассматривают популярные российские ТВ-сериалы 2010-х годов, изображающие период позднего социализма. По мнению авторов, главным художественным результатом этого типа культурного производства является создание эстетической утопии, разворачивающейся на уровне аффектов, вопреки содержательному акценту на негативных аспектах поздней советской эпохи. Эта эстетическая утопия выступает в роли современной идеологии, предлагающей постсоветскому обществу новый социальный контракт.

Дарья Журкова анализирует специфический интерес, который отечественная фабрика телесериалов проявляла в 2000–2010-х годах к судьбам артистов советской эстрады. Такие сериалы, считает Журкова, предстают формой рефлексии, при которой эстетика не избавлена от политического содержания, что было характерно и для социалистического массового искусства, но вместе с тем она преследует капиталистические, коммерческие цели. При этом выясняется, что судьбы исполнителей гораздо легче поддаются приспособлению к современному контексту, чем исполнение песен.

Валерий Вьюгин рассматривает проблему ресайклинга в кино на примере популярной в начале 2000-х годов «Шматрицы» Д. Ю. Пучкова, известного также под псевдонимом Гоблин. Фундаментальную особенность этого художественного продукта, как и целого ряда других произведений Пучкова, составляет культурный ресайклинг как осознанно выбранный прием. Ресайклинг Пучкова многосторонен, но Вьюгина прежде всего интересует то, как Пучков-Гоблин реутилизирует советскую историю.

Четвертый раздел посвящен визуальному искусству. Его открывает *Габриэлла А. Феррари*, рассматривающая феномен эстетической переработки бытового материала в произведениях художницы из группы московских концептуалистов Ирины Наховой. Нахова сама использует термин «ресайклинг» для характеристики как собственного творчества, так и практик ее товарищей по цеху в целом. По мнению Феррари, художница не пародирует советскую повседневность и не производит ностальгию по советскому — в ее произведениях на первый план выходит третий, альтернативный способ взаимодействия с советской материальностью.

Екатерина Андреева рассматривает различные подходы к ресайклингу советских образов и тем в российском искусстве позднесоветского и постсоветского времени с акцентом на деконструкции и апсайклинге советского 1980-х годов, на зарождении ностальгии по советскому времени в 1990-х, появлении жанра реконструкций и парафикций советского в 2000-х и 2010-х годах.

Пятый раздел включает в себя только одно исследование, посвященное ресайклингу советской популярной музыки в нашумевшей компьютерной игре Atomic Heart («Атомное сердце», студия Mundfish, 2023). Его автор *Дарья Журкова* анализирует музыкальную часть звукового оформления игры. Последняя включает в себя три компонента: оригинальный саундтрек, написанный под влиянием стилей техно и индастриал, фрагменты произведений классической музыки и композиции, использующие материал песен советской эстрады. Саундтрек Atomic Heart, замечает Журкова, анахроничен: чем дальше реальная советская эпоха уходит в прошлое, тем нагляднее стираются границы между ее периодами. В конечном же счете и игра, и саундтрек демонстрируют востребованность советского наследия сегодня.

Шестой раздел посвящен проблемам воспитания и повседневности. *Анна Козлова* рассматривает проблему повторного

использования советского наследия на примере международного детского центра «Артек» в периоды с 1991 по 2014 год и после присоединения Крыма к России, с 2014 по 2018 год. Опираясь на собственный опыт работы в лагере, автор показывает, что, несмотря на желание сохранить «Артек», новые управленческие стратегии в нем были нацелены (по крайней мере, в то время) на символическое «возрождение» центра (или его апсайклинг), но одновременно разрушали механизмы работы, сложившиеся в советское время.

В центре внимания *Юлии Секушиной* оказывается современный российский дискурс осознанного потребления и перерабатываемое в нем советское прошлое. Секушина обращается к повседневным практикам, связанным с производством мусора и обращением с отходами как в СССР, так и в современной России. Изучение такого рода практик показывает, что в результате ресайклинга советское прошлое перестает быть «неуместным», несвоевременным и несовременным, а функционирует как часть настоящего.